

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

Научная статья

УДК 316.4

doi: 10.17223/15617793/478/8

Интерсекциональный подход в изучении траекторий социокультурной интеграции людей с миграционным опытом

Игорь Станиславович Михеев¹

¹Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия, mikheevigst@gmail.com

Аннотация. Рассматривается теоретико-методологическая рамка интерсекционального подхода к изучению миграционного опыта, дискриминации и проблем социокультурной интеграции в целом. Аналитический обзор социальных, культурных, теоретических предпосылок зарождения и развития интерсекционального подхода позволяет оценить перспективы этой методологии и в контексте изучения вопросов, лежащих на стыке разнообразия, дискриминации и интеграции в России.

Ключевые слова: интерсекциональный подход, социокультурная интеграция, люди с миграционным опытом, социальное неравенство, социальные движения

Для цитирования: Михеев И.С. Интерсекциональный подход в изучении траекторий социокультурной интеграции людей с миграционным опытом // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 478. С. 64–71. doi: 10.17223/15617793/478/8

Original article

doi: 10.17223/15617793/478/8

Intersectional approach in the study of trajectories of sociocultural integration of people with migration experience

Igor S. Mikheev¹

¹ National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation, mikheevigst@gmail.com

Abstract. This article proposes to consider the theoretical and methodological framework of the intersectional approach to the study of migration experience, discrimination and problems of sociocultural integration in general. The article describes an intersectional model of modern capitalist society, which is divided into micro and macro contexts of inequality production. Class, race, ethnicity, gender, and physicality can be viewed as structural positions (statuses) that produce unequal access to labor markets, distribution of income and public goods, and form cultural and social distance between different groups of people, including between the host society and migrants. In intersectional logic, the intersection of statuses generates a system of oppression (domination matrix), which allows a new assessment of the risks and potential of incorporated capitals. Migration experience is heterogeneous, due to the intersection of different statuses (gender, corporeality, ethnicity, race, class), it can have different effects in terms of producing inequality. Social inequality within the migration community (intracategory analysis of the social group of migrants) determines the direction of the trajectories of integration; they will be completely different, taking into account the intersection of statuses for one or another considered social subgroup. It is more and more difficult for people with migration experience to concentrate on the integration process under the influence of two groups of factors: (a) the availability of the digital information environment and transport, which make it possible to maintain intensive contact with the culture and language of the country of origin; (b) lack of an effective integration infrastructure (inclusive, transparent conditions for integration) and xenophobia of the host society. An analytical review of the social, cultural, theoretical prerequisites for the emergence and development of the intersectional approach allows assessing the prospects for intersectionality both in the context of social policy and in the field of academic research of issues at the intersection of diversity, discrimination and integration. With reference to the empirical material of the author's own qualitative research, an attempt is made to conceptually reflect the applicability of this approach in the conditions of Russian society. On the one hand, the ideas that are described in the framework of the intersectional approach seem quite obvious, but at the same time they are classic for the sociological theory of stratification and for the understanding of the root causes of existing inequalities.

Keywords: intersectional approach, sociocultural integration, people with migration experience, social inequality, social movements

For citation: Mikheev, I.S. (2022) Intersectional approach in the study of trajectories of sociocultural integration of people with migration experience. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 478. pp. 64–71. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/478/8

Модели однонаправленной ассимиляции как концептуальные подходы к реализации интеграции людей с миграционным опытом в принимающие общества маркируются современными исследователями как нерабочие [1]. Связано это не только с увеличивающимся разнообразием стилей жизни и интеркультурностью крупных мегаполисов [2], но и с изменением направленности и содержания самих миграционных потоков. Сегодня их можно описать как разнонаправленные, с растущей долей возвратности на место исхода [3]. Людям с миграционным опытом все сложнее концентрироваться на интеграционном процессе под влиянием двух групп факторов: (а) доступность информационной цифровой среды и транспорт, которые позволяют поддерживать интенсивный контакт с культурой и языком страны исхода; (б) отсутствие эффективной интеграционной инфраструктуры (инклюзивных, прозрачных условий для интеграции) и ксенофобия принимающего общества. В России в 2019 и 2020 гг. сохраняется тренд негативных установок по отношению к людям с миграционным опытом [4]. Подобные установки со стороны принимающего большинства осложняют осуществление агонального диалога [5], необходимого для успешной социокультурной интеграции, делая проблему исключения таких социальных групп системной.

Одним из базовых институтов интеграции является образование [6]. Как интеграционная среда образование включает в себя разных агентов по реализации этого процесса. Учителя, кураторы, тьюторы могут не рефлексировать специфику миграционного опыта как по причине отсутствия такого опыта, так и из-за нехватки специализированной подготовки или ресурсов. На примере анализа массива качественных данных, собранных в рамках кейс-стади в одном из интеграционных проектов для детей из семей с миграционным опытом в Московской области в 2019 г. [7], стало понятно, что некоторые из учителей, к примеру, могут объяснять проблемы, возникающие в процессе интеграции, исключительно культурной дистанцией с меньшинствами, что скрывало классовое, телесное, ментальное неприятие и др.:

«Разные семьи приходят, многие дети неблагополучные, дикие. Было несколько зажиточных – папа, у которого своя чайхана, его сын (имя), он вел себя совсем иначе, был вполне цивилизованным» (учитель, 26 лет).

Учителя формулируют дихотомическое восприятие идентичности у детей, могут делить их на группы «близкие к европейским» и нет:

«Я заметила, что кыргызские родители более мотивированы, более цивилизованы. Многие здесь считают, что кыргызы ближе к цивилизации, чем таджики и узбеки, из приезжающих. У них нормы поведения ближе к европейским, а у таджиков и узбеков немного другие» (учитель, 24 года).

Нам кажется необходимым рассмотреть рефлексию данного исследовательского опыта под новым углом, который позволил бы углубить представление об устройстве социального неравенства. Предложил бы более эвристичную оптику на уровне детального анализа устройства социальной структуры в сложно дифференцированных социальных контекстах.

Миграционный опыт в социологии анализируется не только через системные или феноменологические вопросы, связанные с классической проблемой «Чужака» [8], он также раскрывается как предмет исследования в рамках критической теории общества, частью которой является современный интерсекциональный подход. Миграционный опыт таким образом неоднороден, из-за пересечения различных статусов (гендер, телесность, этничность, раса, класс) он может иметь разные эффекты с точки зрения производства неравенства. Социальное неравенство внутри миграционного сообщества (внутрикатегориальный анализ социальной группы мигрантов), определяет направленность траекторий интеграции, они будут совершенно разными с учетом пересечений статусов для той или иной рассматриваемой социальной подгруппы. Такой подход позволяет многомерно описывать особенности социокультурной интеграции мигрантов, приглашает нас посмотреть на внутреннее устройство этого процесса в его многообразии форм от множественных пересечений различных статусов. Например, отсутствие отражения миграционного опыта женщин формирует ложное представление об их пассивности, способствует замалчиванию их потребностей, а также придает статус-кво их традиционным гендерным ролям (часто оправдывая жестокости отношения, насилие и обесценивание труда).

Однако ситуация может усугубляться патриархальными взглядами, существующими в самих сообществах мигрантов. Прекаризация рабочих мест влияет на качество их групповой солидарности [9], отсюда происходит риск использования патриархальных норм в качестве предлога для исключения наиболее уязвимых членов. В ситуации двойного давления – со стороны большинства и со стороны тех, кто оказался в аналогичной ситуации – приобретение голоса и ощущение безопасной среды человеком с опытом миграции становится важным для успешной адаптации.

С одной стороны, идеи, которые описываются в рамках интерсекционального подхода, кажутся достаточно очевидными, с другой – являются классическими для социологической теории стратификации и понимания первопричин существующих неравенств.

Подход к социальной дифференциации в логике градуалистской методологии – через линейные, одномерные факторы (такие как доход или уровень образования) – ограничивает аналитический потенциал использования тех контекстов, которые отражают многомерность существующих социальных структур. Данный тезис активно доказывается результатами исследований факторов гендерного неравенства [10]. Дилеммы стеклянного потолка или липкого пола [11] уже долгое время описываются в качестве классиче-

ских барьеров на пути достижения гендерного равенства во всем мире [12]. Традиционно проблема многофакторного уклада социального неравенства поднималась и в стратификационной теории, в частности в рамках неовеберовской традиции с ее концепциями классовой ситуации и жизненных шансов [13]. Замысел этих теоретических конструктов сводится к расширению представления о классовом неравенстве посредством добавления в такую модель не только переменных, связанных с экономическим положением индивидов и социальных групп, но и социокультурных факторов. Подобные методологические акценты находят свое развитие в современных подходах к социальной стратификации. К примеру, в понимании Пьера Бурдьё структура инкорпорированного капитала состоит не просто из перечисляемого набора его видов (от культурного до социального), но и может деформироваться Габитусом, образуя полноценные подклассовые формы, которые по-своему ограничены и по-своему привилегированы извлекать ренты [14].

Однако вопросы многофакторного уклада неравенства, на которых фокусируется интерсекциональная оптика, часто опускаются или не принимаются во внимание как исследователями проблем интеграции уязвимых социальных групп, так и агентами продвижения процесса социокультурной интеграции.

Интерсекциональный подход и критика политики идентичности

Как уже было отмечено ранее, интерсекциональный подход расширяет представление о дифференциации и стратификации не столько с позиции исследования жизненных шансов с точки зрения их потенциала для получения экономических преференций (ренды с тех форм капитала, которые индивид рассматривает как активы), сколько пытается качественно детализировать переменные, относящиеся к области культурных значений, социальной идентичности, социальных отношений и их роли в производстве неравенств.

Отсюда становится неувидимым тот факт, что интерсекциональная методология происходит из дискуссии, которая состоялась на Западе в области как критики, так и прямой разработки концепции политики идентичности, причем с разных сторон – как академического, так и акционистского сообщества.

Политика идентичности – теоретическая концепция, которая родилась в области исследований социальных движений, в частности движений за борьбу различных меньшинств за признание и равноправие [15]. Исследователями выделяется несколько значимых парадигм в этой сфере [16], которые отчасти взаимосвязаны. В основе каждой из них лежит уникальный подход к устройству социальной идентичности, пониманию истоков и способов преодоления социального неравенства.

Первой парадигмой, о которой принято говорить в данном случае, является марксизм и(или) неомарксизм. В её рамках идентичность четко увязывается с фактором классовой принадлежности, который здесь

соотносится с проблемами отношения социальной группы к собственности на средства производства, ко владению или управлению ею. Соответственно, главной целью в рамках социальных движений апологетами такого подхода считается борьба против экономического доминирования или угнетения, которые лежат в основании способа производства современного капитализма [17]. Марксизм выделяет основу для идентичности через классовую принадлежность индивида и группы индивидов (пролетариата, прекариата и иных форм классовых образований). Соответственно, единственно верным способом в борьбе со структурным неравенством в таком случае считается преодоление неравенства материального, т.е. экономического. Марксистские идеи хотя и рассматриваются как первоисточник по отношению к самой практике выдвижения социальными группами требований и борьбы за свои права, однако активно критикуются за обесценивание социокультурных факторов, также приводящих к дискриминации. В ответ представители марксистского подхода апеллируют к тому, что вопросы культуры в выделении социальной идентичности – неолиберальный конструкт, созданный для размывания фундаментальной повестки классовой борьбы в рамках современной капиталистической системы.

Вторая парадигма, отчасти выросшая из критики марксистского подхода к классовой идентичности, соотносится с исследованиями новых социальных движений (NSM). Его позиция вырастает вокруг идеи о том, что движения рабочих больше не отражают актуальных проблем угнетенных групп. Внедрение в повестку социальных движений вопросов, связанных с колонизацией жизненного мира и устройства гражданского общества [18], изменили фокус и поле теоретических построений. Сегодня на передний план выходит большое количество некогда «маргинальных» идентичностей, публично заявляющих о своих правах и проблемах. Подобная логика соотносится с кризисом стратификационной марксистской теории, которая долгое время пыталась определить изменившийся субъект классовой борьбы. «Потерянный» пролетариат в каком-то смысле заменялся маргинализированными группами общества, которые были четко очерчены по своим характеристикам, на них возлагалась эмансипаторная надежда на выдвижение новых требований революционного качества. Парадигма новых социальных движений активно критиковалась за расплывчатую терминологию и эссенциализм, так как описание новых идентичностей (особенно этно-расовых меньшинств) сопровождалось тем, что впоследствии определили в качестве проблемы институционализации культур [19]. Это чрезмерно обобщило опыт меньшинств, сделав групповые права и обязанности стереотипными, порождающими проблемы дискриминации на совершенно другом уровне.

Актуальная парадигма социальных движений, которую можно определить как «постмодернистскую», вырастает на фоне состоявшихся дискуссий насчет того, каким образом стоит определять движущий коллективный субъект социальных движений. В каком-то смысле постмодернистский (или постструктуралист-

ский) подход отказывается от выработки концептуальной платформы, в рамках которой можно было бы объяснять или описывать характер современных социальных движений [20]. Исследования политики идентичного в рамках этой парадигмы фокусируются в другом направлении: «Понимаются ли и используются ли статусные идентичности эссенциалистскими или конструкционистскими способами? Какова причинно-следственная связь между организацией, основанной на статусной идентичности, и множеством последствий движения? Чтобы ответить на эти вопросы, социологи использовали социальный конструктивизм, постмодернизм и квир-теорию» [16. С. 25]. Новый взгляд на власть, перспектива, которая идет из постструктуралистской парадигмы [21], концентрируется на вопросах ее производства и воспроизводства, на символическом характере властных социальных отношений. Данная парадигма также характеризуется разрывом с модернистскими категориями анализа (определяя их в качестве бинарных и эссенциалистских), переходит к радикальному конструктивизму, осуществляя «дискурсивизацию всего» посредством новых методологий.

Параллельно данной дискуссии о вопросах идентитаристской трансформации публичной сферы и социальных движений в целом, с их формулой, которая стремится четко увязать каждого индивида с конкретной социальной группой исходя из его идентичности, в поле гендерных исследований совершается ряд открытий, которые ставят под сомнение эффективность политики идентичности как способа достижения социального равенства. В этой связи можно выделить три основных аргумента:

1) в 70-е гг. из результатов многочисленных социологических и антропологических исследований (women studies) делается вывод, что женщины занимают неравное положение с мужчинами в системе патриархальной культуры и капиталистического способа производства [22, 23];

2) в контексте развития левого феминистского активизма становится ясно, что женский опыт сегментирован как классово, так и расово, этнически [24];

3) политика идентичности критикуется, с одной стороны, за эссенциализм, обобщение опыта, который чреват институционализацией «групповых прав», с другой стороны, впитавший в себя всю предыдущую критику постмодернистской поворот не отвечает целям эмансипации, так как на примере женской идентичности ставится совершенно неясно, за какие права выдвигать аргументы, слишком размытый фокус. Критика эссенциализации политики идентичности, которая либо размывала повестку, либо сводила женский вопрос до проблем белого, либерального феминизма. То есть универсалистские модели через критику эссенциализма терпят крах.

Таким образом, одним из ответов на обозначенные концептуальные противоречия становится интерсекциональный подход, зародившийся в поле критических исследованиях расы (critical race studies) [25]. Челсия Креншоу аккумулирует в своем анализе состоявшуюся рефлексию в отношении политики иден-

тичности как эмпирического факта и как концептуальной модели трансформации современных западных обществ. Изначально она описывает интерсекциональность как теоретическую модель, призванную выделить опыт цветных женщин в США, которые, по ее мнению, активно исключались белым либеральным феминизмом (критикуемым ею как часть политики идентичности). Интерсекциональный поворот в методологии делает необходимым в исследованиях обратиться к «внутри категориальному» анализу опыта дискриминации, ведь он сегментирован не только классово, но и расово. Креншоу предлагает начинать анализ любой социальной диспозиции индивида или группы с рассмотрения пересечения трех статусов, которые впоследствии она определила в качестве «матрицы доминирования» – гендер, класс, раса.

Таким образом, генеалогия критической рефлексии, которая привела к зарождению интерсекциональности как теории дискриминации и методологической ориентации при проведении эмпирических исследований неравенств, можно представить следующим образом: от классового активизма, зарождавшегося марксистской традицией, к идентитаристской трансформации социальных движений, от политики идентичности – к гендерным исследованиям, от интеграции выводов из поля гендерных исследований – к универсальной методологической оптике анализа жизненных шансов и дискриминации (интерсекциональности). Исчерпывающим определением характера интерсекциональной оптики можно назвать следующее: «Интерсекциональность создает разнообразный взгляд на сложные проявления социального неравенства и то, как они решаются в социальной практике. Дифференциация и социопространственная контекстуализация обстоятельств, которые раньше казались абстрактными и однородными (элементы культуры и т.д. – *Прим. авт.*), означают, что, по крайней мере, некоторые грубости классического анализа социальной структуры и структурного неравенства в отношении миграции могут быть преодолены» [26. С. 195].

Интерсекциональность как методологическая ориентация исследования социальных неравенств в обществах позднего капитализма

Для раскрытия потенциала интерсекциональной методологии с точки зрения её применимости в исследованиях интеграции и инклюзии стоит обозначить её базовые принципы. Американские исследователи Хи Чоу и Мира Ферри, продолжившие концептуальное развитие проекта, предложенного Креншоу, предлагают сохранить критический характер данного подхода и через его призму отразить следующие методологические принципы интерсекциональности на разных уровнях социального анализа – инклюзия, аналитическое взаимодействие статусов, институциональный приоритет [27].

Инклюзия в данном соотношении понимается как предоставление голоса уязвимым социальным группам (нередко подгруппам внутри выраженных мень-

шинств). Таким образом, инклюзивность в данной логике приглашает социолога включить в программу исследования партисипативные элементы. Партисипаторность многогранна по своим методикам и полю применения – от соцопросов до социальных театров (где действующими лицами являются люди, непосредственно имеющие жизненный опыт в поднимаемой в постановке проблеме) и музеев (не только применяющих практики соучастия в перформансах, но и реализующих голос меньшинств в кураторской практике). «Предоставление голоса угнетенным» рассматривается авторами [27. С. 131] как выражение базовых принципов интерсекциональности. На практике это определяется в качестве упора на включение и публичного проговаривания опыта множественно-маргинализированных (мультимаргинализированных) людей. «Множественные пересечения (множественная маргинализация)» определяется еще как «внутри-категориальный» подход [28], в первую очередь фокусирующийся на различиях опыта для подгрупп внутри одной группы или меньшинства (к примеру, «женский опыт» не универсален для белых и темнокожих женщин с разным уровнем экономического достатка).

Аналитическое взаимодействие статусов – принцип, призывающий исследователя пересекать и выделять такие статусы (вскрывать именно аспект множественной маргинализованности), которые бы наиболее полно описывали положение индивида или уязвленной группы. Интерсекциональность не рассматривает «добавочный» эффект от разных статусов, статусы в самом пересечении должны отражать сложность проживаемой эксклюзии и лишения социальных групп.

Институциональный приоритет – положение, которое закрепляет необходимость постоянной контекстуализации выводов, которые делает исследователь. Недостаточно просто подкрепить голос множественно маргинализированных социальных групп и уточнить специфику этой множественности, в интерсекциональной оптике предполагается соотнесение набора пересеченных статусов с релевантным опытом социальных институтов, которые часто влияют на специфику социальной дифференциации в том или ином обществе.

В итоге в интерсекциональной методологии исследователю предлагается совершить аналитический переход от сложения нескольких независимых цепей неравенства (статусов) к их умножению и, таким образом, преобразовать собственные выводы об их основных эффектах.

Европейские исследователи Габриель Винкер и Нина Дегле дополняют классическое представление о матрице доминирования, состоящей из трех статусов, и предлагают рассматривать четыре ключевые статусные позиции, производящие неравенство: класс, раса, гендер и телесность, которые встраиваются ими в трехуровневую контекстуальную структуру. Посредством социальной практики, т.е. социального поведения и интеракции, субъекты определяют свои позиции и исполняют роли в определенных социальных контекстах,

для этого они используют соответствующие конструкции идентичности. Посредством социальной практики индивиды могут усиливать или смягчать влияние определенных символических представлений о своих идентичностях, а также поддерживать или бросать вызов социальной структуре [29. С. 27].

На уровне структурных властных отношений (макроуровень) Винкер и Дегле приводят доводы в пользу четырех категорий, имеющих отношение к формированию интерсекциональности: класс, пол, раса и тело. Они относятся к историческим способам производства (капитализму), которые определяют и организуют распределение социальных позиций и ресурсов, а также порождают властные отношения, идеологии и нормы.

Межсекторальность относится к вмешательству этих категорий, основанному на социальной теории. Тем не менее эта концепция выходит за рамки старых концепций (таких как «большая тройка»), поскольку тщательно исследуется историческая и ситуационная значимость этих вмешательств. Что касается Бурдые, то структурные категории класса, пола, расы и тела рассматриваются как регулирующие доступ к рынкам труда, дифференцируя распределение доходов и распределяя репродуктивную работу.

Соответственно, основная задача интерсекционального анализа – восстановить взаимозависимости между социальной структурой, символическими представлениями и конструкциями идентичности. Эти взаимозависимости рассматриваются как интегрированные и контекстно-связанные с объектами.

Можно указать три уровня, которые рассматриваются как переплетенные контекстной структурой капиталистического накопления и социальной практикой конкретных социальных групп.

1. Социальное неравенство как производная социальной структуры (основанное на распределении материальных ресурсов и власти в рамках капиталистического способа производства).
2. Символы и символические репрезентации (нормы и ценности).
3. Конструирование идентичности (через микро-социальные процессы инклюзии, эксклюзии, самоидентификации (формирование принадлежности)).

Ханс Бюркнер перенимает принципы обозначенной аналитической модели, предлагая исследовать неравенство среди людей с миграционным опытом в рамках следующих положений, напрямую инспирированных интерсекциональной методологией Винкер и Дегле [26. С. 183]:

- а) существует необходимость способствовать дальнейшему превращению гендера в жизненно важную социальную категорию, тем самым содействуя эмпирической реконструкции связанных с гендером эксклюзии и лишений, особенно в сфере миграции;
- б) включая телесность, необходимо сделать возраст важной категорией анализа, особенно это важно в связи с другими факторами, способствующими «множественной маргинализации». В частности, это касается старения людей с миграционным опытом (особенно трудовым миграционным опытом), так как

неолиберальные идеологии эффективности, перформативности, рентабельности и т.д. оказывают особенное влияние на скорость роста социальной незащищенности и прекаризации этих групп людей;

в) интерсекциональность призвана углубить наше понимание «бодизма» как причины и символического выражения (видимой стигмы по Гоффману [30]), социального неравенства, которое оказывает особое влияние на мигрантов. Изучение факторов, связанных с телесностью, прояснит вклад идеологий неолиберальных и культивации рисков в формирование множественных пересечений, с которыми сталкиваются мигранты с инвалидностью или мигранты, демонстрирующие «отклоняющиеся» манеры (например, женщины, следующие «этническому» или религиозному дресс-коду) и поведение.

Методологические ориентации интерсекциональной оптики

Основываясь на существующих работах, посвященных интерсекциональной концепции устройства социальных неравенств в обществах позднего капитализма, можно сделать следующие методологические выводы о принципах этого подхода:

1. Траектории пересечения статусов позволяют проводить интерсекциональный анализ изучаемого случая, тем самым усложняя теоретико-методологическую модель, дополняя конструктивистскую критику в рамках деконструкции и критики эссенциалистского подхода к культурной или этнической идентичности.

2. Производство подхода, характеризующегося проактивной позицией исследователя, а не ценностной нейтральностью. Эмпатия к положению респондентов,

продвижение их голоса через академические тексты и методологию исследования. В грамотной репрезентации особенно нуждаются наиболее непривилегированные элементы социальной группы, так как они сталкиваются с многомерным опытом дискриминации, а также могут ощущать угнетение как со стороны принимающего общества, так и со стороны группы их социокультурной принадлежности. Продвижение голоса угнетенных групп, партисипативность и инклюзивность.

3. Интеграция социальных групп происходит в микро- и макроконтестах. На микроуровне она связана с борьбой за признание и приобретением инклюзивной идентичности, которая находится в диалектической связке с ценностями и нормами принимающего общества. Раса, класс, гендер и тело являются четырьмя связанными траекториями конструирования идентичности. Реализация инклюзии на микроуровне способствует началу успешной интеграции на макроуровне капиталистического распределения ресурсов и социальной власти. Интеграция людей с миграционным опытом и опытом вынужденного переселения как каждый раз призвана рассматриваться как уникальная биографическая траектория.

4. Рефлексия опыта собственных привилегий (внешнего агента интеграции и исследователя). Необходимо критически анализировать влияние собственных привилегий на исследовательский или интеграционный процесс. Власть репрезентировать – говорить о ключевых проблемах, жизненном опыте, формировать публичный образ индивида. Помимо тяжелого социального положения группы, усугубляемого конфликтными условиями общественных отношений, негативное влияние может оказать выбор модели оказания поддержки, несоответствующей её насущным потребностям, или методология исследования.

Список источников

1. Kivisto P. Incorporating diversity: Rethinking assimilation in a multicultural age. Routledge, 2015. 256 с.
2. Куропятник М.С. Супербразнообразие: реконфигурация культурной сложности контекстов современности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2020. Т. 20, № 3. С. 461–470.
3. Lie J. From international migration to transnational diaspora // Contemporary Sociology. 1995. Т. 24, № 4. С. 303–306.
4. Левада Центр. Ксенофобия и национализм. URL: <https://www.levada.ru/2020/09/23/ksenofobiya-i-natsionalizm-2/> (дата обращения: 10.10.2021).
5. Pfeffer D. The integration of groups // Ethnicities. 2014. Т. 14, № 3. С. 351–370.
6. Козлова М.А. Транснационализм в контексте образования: ориентиры адаптации и интеграции в условиях поликультурной образовательной среды // Высшее образование сегодня. 2018. № 3. С. 62–67.
7. Козлова М.А., Михеев И.С. Управление многообразием эпоху транснационализма: перспективы и ограничения в образовательном пространстве // Журнал исследований социальной политики. 2020. Т. 18, № 4. С. 657–672.
8. Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом: пер. с нем. и англ. М.: Российская политическая энциклопедия, 2004. С. 530–550.
9. Standing G. The precariat // Contexts. 2014. Т. 13, № 4. С. 10–12.
10. Bittman M. et al. When does gender trump money? Bargaining and time in household work // American Journal of sociology. 2003. Т. 109, № 1. С. 186–214.
11. Cotter D. A. et al. The glass ceiling effect // Social forces. 2001. Vol. 80, № 2. С. 655–681.
12. Fisher B., Naidoo R. The Geography of Gender Inequality // PLOS ONE. 2016. Vol. 11, № 3. С. 1–10.
13. Аникин В.А. Социальная стратификация по жизненным шансам: попытка операционализации для массовых опросов // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 4 (146). С. 39–67.
14. Тихонова Н.Е. Ресурсный подход как новая теоретическая парадигма в стратификационных исследованиях // Journal of Economic Sociology. 2006. Т. 7, № 3. С. 11–26.
15. Alcoff L. et al. (ed.). Identity politics reconsidered. Springer, 2006. С. 31–54.
16. Bernstein M. Identity politics // Annual Review of Sociology. 2005. Vol. 31. С. 47–74.
17. Wright E.O. The comparative project on class structure and class consciousness An Overview // Acta Sociologica. 1989. № 1. С. 3–22.
18. Пархоменко Р.Н. Теория делиберативной демократии Ю. Хабермаса // Философия и культура. 2012. № 4. С. 40–49.
19. Benhabib S. The Claims of Culture: Equality and Diversity in the Global Era. Princeton University Press, 2002. С. 82–105.

20. Солдатова Е.Л., Погорелов Д.Н. Феномен виртуальной идентичности: современное состояние проблемы // Образование и наука. 2018. Т. 20, № 5. С. 105–124.
21. Фуко М., Автономова Н.С., Визгин В.П. Слова и вещи. 1977. 487 с.
22. Ortner S.B. Is female to male as nature is to culture? // *Feminist studies*. 1972. Т. 1, № 2. С. 5–31.
23. Gayle R. The Traffic in Women: Notes on the "Political Economy" of Sex. 1975. С. 157–210.
24. Crenshaw K. Demarginalizing the intersection of race and sex: A black feminist critique of antidiscrimination doctrine, feminist theory and antiracist politics // *University of Chicago Legal Forum*. 1989. 139 с.
25. Crenshaw K. Mapping the Margins: Intersectionality, Identity Politics, and Violence Against Women of Color // *Stanford Law Review*. 1991. Vol. 43, № 6. P. 1241–1299.
26. Bürkner H.J. Intersectionality: How gender studies might inspire the analysis of social inequality among migrants // *Population, space and place*. 2012. Vol. 18, № 2. P. 181–195.
27. Choo H.Y., Ferree M.M. Practicing intersectionality in sociological research: A critical analysis of inclusions, interactions, and institutions in the study of inequalities // *Sociological theory*. 2010. Vol. 28, № 2. P. 129–149.
28. McCall L. *Complex inequality: Gender, class, and race in the new economy* // Psychology Press. 2001. 210 с.
29. Winker G., Degele N. Intersectionality as multi-level analysis: Dealing with social inequality // *European Journal of Women's Studies*. 2011. Vol. 18, № 1. P. 51–66.
30. Goffman E. *Stigma: Notes on the management of spoiled identity*. Simon and Schuster, 2009. P. 1–105.

References

1. Kivisto, P. (2015) *Incorporating diversity: Rethinking assimilation in a multicultural age*. Routledge.
2. Kuropyatnik, M.S. (2020) Superraznoobrazie: rekonfiguratsiya kul'turnoy slozhnosti kontekstov sovremennosti [Superdiversity: Reconfiguring the Cultural Complexity of Contemporary Contexts]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Sotsiologiya*. 20 (3). pp. 461–470.
3. Lie, J. (1995) From international migration to transnational diaspora. *Contemporary Sociology*. 24 (4). pp. 303–306.
4. Levada Center. (2020) *Ksenofobiya i natsionalizm* [Xenophobia and nationalism]. [Online] Available from: <https://www.levada.ru/2020/09/23/ksenofobiya-i-natsionalizm-2/> (Accessed: 10.10.2021).
5. Pfeffer, D. (2014) The integration of groups. *Ethnicities*. 14 (3). pp. 351–370.
6. Kozlova, M.A. (2018) Transnatsionalizm v kontekste obrazovaniya: orientiry adaptatsii i integratsii v usloviyakh polikul'turnoy obrazovatel'noy sredy [Transnationalism in the Context of Education: Guidelines for Adaptation and Integration in a Multicultural Educational Environment]. *Vyshee obrazovanie segodnya*. 3. pp. 62–67.
7. Kozlova, M.A. & Mikheev, I.S. (2020) Upravlenie mnogoobraziem epokhu transnatsionalizma: perspektivy i ogranicheniya v obrazovatel'nom prostranstve [Diversity management in the era of transnationalism: prospects and limitations in the educational space]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki*. 18 (4). pp. 657–672.
8. Schutz, A. (2004) *Izbrannoe: Mir, svetyashchisya smyslom* [Selected works: A world that glows with meaning]. Translated from German and English. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya. pp. 530–550.
9. Standing, G. (2014) The precariat. *Contexts*. 13 (4). pp. 10–12.
10. Bittman, M. et al. (2003) When does gender trump money? Bargaining and time in household work. *American Journal of Sociology*. 109 (1). pp. 186–214.
11. Cotter, D. A. et al. (2001) The glass ceiling effect. *Social Forces*. 80 (2). pp. 655–681.
12. Fisher, B. & Naidoo, R. (2016) The Geography of Gender Inequality. *PLOS ONE*. 11 (3). pp. 1–10.
13. Anikin, V.A. (2018) Sotsial'naya stratifikatsiya po zhiznennym shansam: popytka operatsionalizatsii dlya massovykh oprosov [Social stratification by life chances: an attempt at operationalization for mass polls]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*. 4 (146). pp. 39–67.
14. Tikhonova, N.E. (2006) Resursnyy podkhod kak novaya teoreticheskaya paradigma v stratifikatsionnykh issledovaniyakh [Resource approach as a new theoretical paradigm in stratification studies]. *Journal of Economic Sociology*. 7 (3). pp. 11–26.
15. Alcoff, L. et al. (ed.) (2006) *Identity politics reconsidered*. Springer. pp. 31–54.
16. Bernstein, M. (2005) Identity politics. *Annual Review of Sociology*. 31. pp. 47–74.
17. Wright, E.O. (1989) The comparative project on class structure and class consciousness An Overview. *Acta Sociologica*. 1. pp. 3–22.
18. Parkhomenko, R.N. (2012) Teoriya deliberativnoy demokratii Yu. Khabermasa [The theory of deliberative democracy by J. Habermas]. *Filosofiya i kul'tura*. 4. pp. 40–49.
19. Benhabib, S. (2002) *The Claims of Culture: Equality and Diversity in the Global Era*. Princeton University Press. pp. 82–105.
20. Soldatova, E.L. & Pogorelov, D.N. (2018) Fenomen virtual'noy identichnosti: sovremennoe sostoyanie problemy [The phenomenon of virtual identity: the current state of the problem]. *Obrazovanie i nauka*. 20 (5). pp. 105–124.
21. Foucault, M. (1977) *Slova i veshchi* [The order of things]. Translated from French by N.S. Avtomova, V.P. Vizgin. Moscow: Progress.
22. Ortner, S.B. (1972) Is female to male as nature is to culture? *Feminist Studies*. 1 (2). pp. 5–31.
23. Gayle, R. (1975) The Traffic in Women: Notes on the "Political Economy" of Sex. In: Reiter, R.R. (ed.) *Toward an Anthropology of Women*. Monthly Review Press. pp. 157–210.
24. Crenshaw, K. (1989) Demarginalizing the intersection of race and sex: A black feminist critique of antidiscrimination doctrine, feminist theory and antiracist politics. *University of Chicago Legal Forum*. 1989. Article 8.
25. Crenshaw, K. (1991) Mapping the Margins: Intersectionality, Identity Politics, and Violence Against Women of Color. *Stanford Law Review*. 43 (6). pp. 1241–1299.
26. Bürkner, H.J. (2012) Intersectionality: How gender studies might inspire the analysis of social inequality among migrants. *Population, Space and Place*. 18 (2). pp. 181–195.
27. Choo, H.Y. & Ferree, M.M. (2010) Practicing intersectionality in sociological research: A critical analysis of inclusions, interactions, and institutions in the study of inequalities. *Sociological Theory*. 28 (2). pp. 129–149.
28. McCall, L. (2001) *Complex inequality: Gender, class, and race in the new economy*. Psychology Press.
29. Winker, G. & Degele, N. (2011) Intersectionality as multi-level analysis: Dealing with social inequality. *European Journal of Women's Studies*. 18 (1). pp. 51–66.
30. Goffman, E. (2009) *Stigma: Notes on the management of spoiled identity*. Simon and Schuster. pp. 1–105.

Информация об авторе:

Михеев И.С. – аспирант факультета социальных наук, стажер-исследователь международной лаборатории исследований социальной интеграции Национального исследовательского университета "Высшая школа экономики" (Москва, Россия). E-mail: mikheevigst@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

I.S. Mikheev, postgraduate student, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation).
E-mail: mikheevigst@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 27.10.2021;
одобрена после рецензирования 05.05.2022; принята к публикации 20.05.2022.*

*The article was submitted 27.10.2021;
approved after reviewing 05.05.2022; accepted for publication 20.05.2022.*